
МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

ИРАН: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В.И. Юртаев

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье дается анализ основных направлений современной внешней политики Исламской Республики Иран в контексте региональных приоритетов, показаны возможные сценарии и проектные основания ее возможной реализации.

Ключевые слова: регионализм, сценарии интеграции, геоэкономические проекты, пространство цивилизационной комплементарности, новый третий мир, дипломатия диалога и справедливости.

Первое десятилетие XXI века — века глобализации — насыщено как позитивными, так и негативными событиями. Вместе с тем сохраняется общая тенденция развития государств на основе их собственных религиозно-культурных ценностей, что отражает реальный плюрализм и равноправие исторических форм развития отдельных стран и их объединений на международной арене. В этой связи необходимо отметить всплеск регионализации в Евразии — последовательно расширяется Европейский Союз (ЕС), меняется конфигурация организации пространства СНГ, усложняется формат взаимодействия в рамках ШОС, АСЕАН и АТЭС. Процесс новой регионализации охватывает все большие территории независимо от суверенитетов государств и типов политических режимов. Одним из самых активных региональных игроков является Исламская Республика Иран (ИРИ).

Тегеран при президенте Махмуде Ахмадинежаде (с 2005 г.), выдвигая амбициозные планы развития к 2025 году, проводит активную внешнюю политику, направленную на решение двуединой задачи — сохранения строя исламской республики и создания условий для вхождения Ирана в число ведущих государств — членов клуба с условным названием «Многополярный мир». Именно поэтому региональная политика Исламской Республики Иран (ИРИ) имеет глобальное измерение, а складывающиеся альянсы выходят далеко за рамки Среднего Востока.

В этом, как представляется, состоит иранская специфика феномена регионализации, которая наполнена стремлением включить страну во все основные смысловые пространства современного мира.

К концу 2009 года просматриваются (при условии, что Тегеран не встретит военного противодействия, возможность которого анонсировалась руководством США и Израиля) следующие перспективные сценарии региональной интеграции с участием ИРИ:

1) стратегический геополитический альянс на Ближнем Востоке (по оси Багдад—Тегеран—Дамаск с возможным подключением Турции);

2) союзное государство в Юго-Западной Азии (с включением 25 государств Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии);

3) стратегическое партнерство с Китаем, Россией, Индией и Пакистаном, странами Центральной Азии и Афганистаном в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

В отличие от первого, второй и третий сценарии имеют не столько геополитическое, сколько геоэкономическое измерение. Иран лоббирует масштабные энергетические («Энергия Азии», «газовый ОПЕК» и др.), транспортно-коммуникационные (МТК «Север—Юг», трансевразийский транспортный коридор и др.) и иные проекты, возникающие в условиях все большей актуализации континентальной матрицы Великого шелкового пути. Во всех трех сценариях Иран имеет шанс последовательного повышения своего международного статуса и закрепления лидирующей роли в Центральной Евразии и собственно Среднего Востока. В сложившейся ситуации перед современным руководством ИРИ стоит непростой выбор стратегических приоритетов и союзников.

Отметим, что за 30 лет существования ИРИ заметно расширила географию своего влияния, по сравнению с Ираном времен шахов династии Пехлеви, когда его роль «жандарма на Среднем Востоке» поощрялась США. В начале XXI века революционный исламский Иран продолжает оставаться носителем мощной геополитической идеи, а его геостратегия нацелена на гегемонию в мире путем нового возвышения исламской цивилизации. В военно-политическом отношении Иран — одна из доминирующих держав Центральной Евразии и безусловный лидер на Среднем Востоке.

Новый этап политической активности Ирана в регионе начался в результате падения режима Саддама Хусейна в Багдаде (апрель 2003 г.), когда перед Ираном открылась перспектива действий на пространстве арабской Юго-Западной Азии и его вовлеченность в арабо-израильский конфликт заметно усилилась. На юго-западном направлении и на площадке Ближнего Востока в рамках региональной политики как нигде просматривается реализуемый руководством ИРИ сценарий «большой игры» с западным миром. Однако пока можно говорить лишь о виртуальном расширении проиранского пространства, поскольку в Ираке и в Афганистане сохраняется «военный навес», созданный США и их союзниками.

Оценивая усилия Тегерана, наблюдатели сделали предположение о складывающемся стратегическом альянсе на Ближнем Востоке по оси Багдад—Теге-

ран—Дамаск. О возможности реализации такого сценария свидетельствует, например, исторический опыт продвижения Ирана в определенных направлениях в периоды его усиления. Так, Иран никогда не идет в сторону Китая или России, предпочитая продвижение на юго-запад и северо-восток, восстанавливая влияние на своем «большом геополитическом пространстве», простирающемся до Юга Аравийского полуострова. К присоединению к намечающемуся союзу поощряется и Турция, которая никак не вступит в Европейский Союз (ЕС). При этом борьба за Ирак рассматривается в Тегеране как многофакторный стратегический процесс в противостоянии с США, строящими однополярный мир. Пока такой геополитический союз если и возможен, то только на не конфессиональной основе. Это ограничение накладывает ситуация в Сирии и Турции, а также необходимость конструктивного взаимодействия арабских стран в рамках «Средиземноморского партнерства» со странами ЕС. Кроме того, неизбежно потребуются продвижение в решении весьма чувствительного для всех четырех государств курдского вопроса или проблемы создания независимого Курдистана. Отмеченные обстоятельства определяют невозможность реализации данного сценария как минимум в среднесрочной перспективе, но в целом данная тенденция усиливает возможности Тегерана по доступу к «большой игре».

Параллельно Иран пытается выработать новый формат интеграции, предлагая сценарий, который был представлен на международной конференции «Надежная база будущего развития Юго-Западной Азии», прошедшей 12—13 февраля 2008 года в Тегеране под эгидой Ассамблеи по определению целесообразности принимаемых решений ИРИ и его главы и бывшего президента страны аятоллы А.А. Хахеми-Рафсанджани. На этой конференции иранскими экспертами была предложена идея создания сообщества 25 государств Юго-Западной Азии. Новая региональная организация должна объединить, согласно карте Центра географических исследований г. Тегерана, следующие подсистемы: Ближний и Средний Восток (Иордания, Ирак, Йемен, Ливан, Палестина, Саудовская Аравия, Сирия, Турция, Иран, Афганистан), Кипр, Пакистан, Центральную Азию (Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан), Кавказ (Азербайджан, Армения, Грузия) и Персидский залив (Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман). Среди главных задач региональной организации сотрудничества стран Юго-Западной Азии были названы следующие: создание внутрорегиональной системы безопасности в противовес западной и формирование общего рынка, сравнимого по своему потенциалу с Евросоюзом [3. С. 65—67].

В основе идеи союза государств Юго-Западной Азии читается стремление Тегерана предложить современный формат регионализации достаточно разнородному конгломерату стран, занимающих срединное положение в Евразии и обладающих критически важными для мировой экономики ресурсами. Включение в регион Грузии и Армении, а также Кипра показывает высокую степень прагматизма религиозного руководства ИРИ и геоэкономическую нацеленность данной инициативы. Европа, заинтересованная в сохранении светской модели международных отношений, в не меньшей степени вынуждена учитывать во многом клю-

чевую роль Ирана в вопросах обеспечения европейской энергетической безопасности и выстраивания трансевразийских транспортно-энергетических маршрутов. ЕС, теряя Иран, сковывает себя в реализации планов по переориентации энергетических потоков в обход России. Складывается любопытная ситуация: политическая комбинация вокруг атомной программы Ирана оказывается заложником другой, более сложной комбинации. С другой стороны, когда нельзя прямо договориться, можно пойти по пути «разрядки». Так уже было во времена холодной войны. В стратегии ЕС «Энергетическая безопасность ЕС и план солидарных действий» (EU Energy Security and Solidarity Action Plan), опубликованной 13 ноября 2008 года, подчеркивается важность хороших отношений с поставщиками энергии.

Одним из первых шагов по реализации названного выше сценария может стать проект под условным названием «Энергия Азии». Просматриваются два формата участия в нем ИРИ. После подписания 13 июля 2009 года в Анкаре договора о газопроводе «Набукко» («Навуходоносор»), продолжении уже построенного газопровода Баку—Тбилиси—Эрзурум, обсуждается тема нового формата региональных деловых взаимоотношений, в том числе и возможность в перспективе подключения к данной системе поставок иранского газа. Вхождение же Ирана в формируемый мегаконсорциум означало бы его вхождение в «большую газовую игру», что объективно втягивает Тегеран в западное пространство. Однако на настоящий момент только Азербайджан согласился поставлять 15 млн кубометров ежегодно — минимальный объем, который потребуется газопроводу, если его строительство, как и планируется, будет завершено к 2014 году. Пока этот газовый проект с участием Ирана маловероятен, однако в перспективе возможен, если будут налажены поставки сжиженного газа. Таким образом, проект «Набукко» — это некий задел на будущее. Для Тегерана он более интересен в широком контексте проекта «Энергия Азии», поэтому Иран активно предлагает создание «газового ОПЕК», строительство газопровода в Пакистан и Индию и т.п.

Взаимодействие ЕС и ИРИ в сфере энергетики может быть органично дополнено формированием общего интегрированного транспортно-коммуникационного пространства. Европа уже переходит к практическому воплощению идею прокладки сквозного транспортного коридора вокруг Средиземного моря с возможным выходом на Иран. Известно также, что Тегерану удалось найти взаимопонимание с Багдадом о соединении железных дорог двух стран, что открывает принципиально новые возможности для трансазиатского транзита. Выбор за Тегераном — получить пропуск на Запад через проект Набукко и «среднеазиатское партнерство» или реализовать идею «Энергия Азии» с участием России, Китая, Индии, Пакистана, стран Центральной Азии.

На южном фланге предлагаемого союза стран Юго-Западной Азии Иран стремится к более тесному взаимодействию с Индией, в том числе учитывая ее особые отношения с Вашингтоном. Одним из оснований геополитической стратегии Индии в Центральной Евразии является противодействие силам политического

ислама и международного терроризма с целью сохранения действующей системы региональных международных отношений в регионе на принципах неконфессиональности. Фактически в Центральной Евразии материализуется тенденция к достижению «тройственного согласия» Индии, Ирана и России, союз которых способен сдерживать геоэкономическую и геополитическую экспансию Китая в регионе. Сможет ли атомная дипломатия США в регионе перевести вектор притяжения на себя, покажет время.

Намечающийся союз между Ираном и Индией опирается на геоэкономические проектные основания (энергетическая безопасность, газо- и нефтепровод Иран—Пакистан—Индия, Иран—Индия, МТК «Север—Юг») и может быть развернут в любом направлении. 27 июня 2009 года вновь избранный Президент ИРИ, продолжая практику рабочих поездок по регионам страны, посетил строящуюся автомагистраль Тегеран—Север. Президент назвал эту стройку «исторической мечтой иранского народа». Длина автомагистрали Тегеран—Север будет составлять 123 км, на ней в обоих направлениях будет располагаться 14 туннелей, самыми протяженными станут туннели Талун (4870 м) и Альборз (6390 м). Она станет частью трансиранской автомагистрали Чалус — Тегеран — Саввах — Арак — Андимашк — Ахваз — Бандар Имам Хомейни, связывающей Каспийское море с Персидским заливом. Под этот проект подготовлена и портовая инфраструктура. Во второй половине 1990-х гг. порты Ирана на Каспии были модернизированы, началось строительство нового порта Амирабад, были удвоены мощности порта Энзели. Тем самым Тегеран показывает свою заинтересованность в возрождении международного интереса к проекту Международный транспортный коридор «Север—Юг», который по разным причинам в настоящее время не функционирует, но в котором хотят принять участие многие страны Азии и Россия.

Иран готов к широкому сотрудничеству с государствами региона, и не только по прагматическим соображениям (прорыв «блокады» США). Значительную роль в сближении секулярных элит Центральной Евразии с Ираном играет последовательное стремление последнего стать одним из региональных центров торговли энергоресурсами (нефтью и газом) и транспортно-энергетической интеграции. Важно отметить, что предлагаемые масштабные проекты рассматривались как возможные еще в шахский период, они и сегодня могут стать «мостом» возвращения Ирана в политико-экономическое пространство Запада.

Одновременно с усилиями по объединению региона Юго-Западной Азии ИРИ пытается стать полноправным участником Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в надежде на статусное стратегическое партнерство с Китаем и Россией, в перспективе — с Индией и др. Тегеран прекрасно понимает, что находится между Китаем и Европой, между Америкой и Россией. Правомерно предположить, что именно Китай станет пространством, одновременно соединяющим Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) с внутренними районами Азии, формируя особое «континентальное» хозяйство (в противоположность «морской» экономике). «Речная» экономика способна стать здесь важным опорным и связу-

ющим звеном Китая с Россией и Ираном. Отметим, кстати, довольно высокую долю водного транспорта в китайском хозяйстве: на него приходится почти две трети всего грузооборота. Соответственно, развитие транспортной инфраструктуры, соединяющей других членов ШОС и СНГ с Китаем, следует рассматривать как долгосрочную стратегическую задачу. Это касается всех видов транспорта, перевозок как грузов, так и пассажиров. Внутренние водные пути России могут сыграть важную роль в решении этой задачи. Со строительством трансиранского канала и канала между Каспийским и Азовским/Черным морем в Евразии появится трансконтинентальная глубоководная транспортно-энергетическая система.

Иранцы находятся в очень сложном положении, они ищут мощных союзников. Среди этих союзников — Китай. Как известно Мао Цзэдун в 1974 году сформулировал идею, что и Африка, и Азия, и Латинская Америка — все это «третий мир». С опорой на Китай Иран получает шанс на реализацию политической — мессианской — составляющей своей внешней политики, хотя должен учитывать, что конфигурация «нового третьего мира» складывается в русле китайского лидерства. Для экономического выживания Иран как союзник Китая сможет воспользоваться потенциалом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Среди вариантов интеграции с участием Китая и/или России сотрудничество в рамках ШОС выглядит многообещающим. Пространство этой развивающейся региональной организации непосредственно граничит с пространством «Большой Европы». Складывающуюся евразийскую конфигурацию и направленность деятельности ШОС более всего определяют реализуемые и намечаемые совместные стратегические проекты. В начале XXI века эти проекты, так или иначе, связаны с возникновением новых маршрутов в трансконтинентальных перевозках («Транссиб», «ТРАСЕКА», «Север—Юг», «Север—Север», «Западный Китай — Западная Европа» и др.). Именно транспортная активность сегодня более чем когда-либо превращает Европу и Азию в единое мобильное пространство развития, обеспечивая растущую потребность в надежных, эффективных, безопасных и экологических коммуникациях для развития международной торговли, туризма и экономического сотрудничества.

В российско-иранских отношениях никогда не было ни «братской дружбы», ни взаимной ненависти и стремления решить все одним ударом. У России и Ирана есть исторический шанс совместного участия в формировании новой модели регионального взаимодействия. Как представляется, речь не идет о геополитическом союзе двух стран на Ближнем Востоке. Слишком велики политические риски, хотя этот сценарий дает России контроль над значительной частью иранского «большого пространства», от Средиземноморья до Афганистана и Центральной Азии включительно. Также вряд ли подходит России и сценарий «союза Юго-Западной Азии». Вместе с тем Иран и Россия не могут друг без друга реализовать масштабные геоэкономические проекты, возникающие в условиях все большей актуализации континентальной матрицы Великого шелкового пути. С одной стороны, все прикаспийские государства, не имеющие выхода к морю, активно заинтересованы в строительстве максимально возможного числа альтерна-

тивных транспортных коридоров. С другой стороны, в среднесрочной перспективе в странах ШОС (Китай, Россия и др.) ожидается усиление региональной интеграции внутреннего рынка и соответствующий рост внутренних и транзитных перевозок. Важнейшим условием экономического роста новых районов (центров перспективной разработки природных ресурсов и т.п.) станет обеспечение их безопасности и транспортной доступности. В этих условиях Россия должна предложить опережающее расширение географии и спектра транспортно-коммуникационных услуг, с целью стимулировать быстрый экономический рост на высокотехнологичной и инновационной основе в сопряженных с международными/региональными транспортными коридорами районах.

Важной компонентой интеграции и развития новых районов экономического роста и транспортной активности выступает гуманитарная составляющая. Центральная Евразия в историко-культурном отношении представляет собой «пространство цивилизационной комплементарности» и в этом — одно из оснований успеха сотрудничества в рамках ШОС. Не случайно в Иране обсуждается план создания Совета древних цивилизаций и культур, которые внесли в современную цивилизацию неоспоримый, значимый вклад и в формирование в рамках ШОС Организации Азиатского сотрудничества [2. С. 102]. Включение в ШОС ведущих исламских стран (Иран, Саудовская Аравия, Ирак и др.) позволит соединить усилия пяти незападных цивилизаций — русской, китайской, исламской, индуистской и буддийской в поисках нового мира на основах «справедливой глобализации».

Возможно ли совместить дипломатию «диалога и справедливости» со стратегией «взаимодействия» (в риторике администрации Б. Обамы)? Насколько реализуемы невоенные сценарии, если у власти остается Ахмадинежад? Речь президента США Б. Обамы 4 июня 2009 г. в Каирском университете показала новое измерение американской внешнеполитической стратегии в отношении мира ислама и, в частности, Ирана. Вспоминается, кстати, что имя 44-го президента США — Барак Хусейн — мусульманское. В американской политике, судя по всему, наблюдается сдвиг от акцента на проблемах Ирака и Аль-Каеды к ситуации, связанной с Афганистаном и Ираном. Президент США не согласился с утверждениями о якобы присущей исламу жестокости и склонности мусульман к насилию и обратил внимание на то, что «ислам гордится традицией толерантности». Президент США решил быть предельно ясным и, говоря о демократии, заявил, что «никакая система правления не должна быть навязана одной стране другой», но «вера должна объединять нас... По всему миру мы можем сделать так, чтобы диалог перерос в межконфессиональное служение». Отчасти этот призыв был адресован и Ирану с его претензией на установление исламской власти во всем мире путем исламской революции. Обама отметил: «Сейчас вопрос заключается не в том, против кого выступает Иран, а в том, какое будущее он хочет построить... Попытки одного государства стать обладателем ядерного оружия ведут к «опасному пути» всех нас, особенно на Ближнем Востоке. Мы должны предотвратить ядерную гонку вооружений». Самым главным итогом для Ирана стало

заявление президента США о готовности продолжить выполнение своих предвыборных обещаний, имея в виду проведение раунда прямых переговоров с президентом Ахмадинежадом. И это есть принципиальное отличие в позиции нынешней администрации США от позиции администрации Буша.

Должен состояться как минимум один раунд прямых переговоров между руководителями двух стран. По мнению одного из ведущих идеологов внешней политики США Збигнева Бжезинского, сегодня Иран находится «в начале смертельного кризиса... С данным режимом связано несколько тем, о которых необходимо говорить: атомная программа, безопасность в регионе и экономические вопросы. Откладывание переговоров — это потеря влияния на Иран. Санкциями страну от атомной программы не удержать». Бжезинский полагает, что у страны есть социальный потенциал, чтобы когда-нибудь стать важным партнером Запада в регионе и даже партнером Израиля, который в 1980-е годы поддержал Иран в войне с Ираком, «потому что Иран является более «западным», чем другие соседние государства». Он допустил также, что при определенных обстоятельствах ядерное оружие в руках Ирана «может способствовать стабилизации в регионе» [1].

Как отмечалось выше, Афганистан и Центральная (Средняя) Азия, особенно Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан, традиционно занимают особое место на северо-восточном направлении иранской геополитики. Именно на северо-востоке Ирана, в приграничной провинции Хорасан находится священный для шиитов мира город Мешхед. В Мешхеде находится мавзолей Имама Резы, особо почитаемого 8-го шиитского имама. Ежегодно Мешхед посещают около 20 миллионов паломников и туристов. Паломники получают почетную приставку к имени — «мешхеди», которая для шиита почти так же значима, как почетное наименование «хаджи» для совершивших паломничество (хадж) в Мекку. На этой земле родился последний великий иранский завоеватель Надир-шах (шах в 1736—1747 гг.). Мавзолей и памятник Надир-шаху находятся в центре Мешхеда — шах с поднятой саблей несется на коне на завоевание новых стран. Сюжет с саблей не случаен. Самого Надир-шаха иногда называют «Наполеоном Востока», но еще больше его прославила фраза: «Хорасан — это сабля Персии; кто владеет Гератом, тот держит ее в руках и может стать владыкой мира». Современный Герат находится в Афганистане, и именно в этой стране, соседней с Ираном, начинается евразийский марш нового президента США Барака Обамы.

Очень многое говорит о том, что переизбрание Ахмадинежада на пост президента ИРИ является серьезным вызовом для новой американской администрации. Если на первой ирано-американской встрече на высшем уровне не прозвучат нужные предложения, можно уверенно прогнозировать, что вектор силовой активности Америки, перенацеленный сейчас на Афганистан и Пакистан, несмотря на прозвучавшие заявления, вновь сдвинется и на Иран. Однако Тегеран имеет возможность выбора. Ради сохранения политического строя исламской республики религиозное руководство страны может использовать уникальную дипломатическую возможность — войти в союз с мировым сообществом в обмен на пе-

редачу ему бремени обеспечения своей атомной программы, снимая тем самым единственный легитимный на сегодняшний день предлог нанесения по ИРИ военного удара.

Таким образом, формат евразийской интеграции сегодня зависит как от сохранения, так и от стратегии Исламской Республики Иран. В случае сохранения ИРИ вырисовывается иной облик лидеров развивающихся стран — «нового третьего мира» XXI века. Иран находится на перепутье, перед ним большой выбор.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бжезинский З.* В долгосрочной перспективе можно рассчитывать на становление современного и демократического Ирана // Гут Арье. 2009, 27 июня // www.1news.az
- [2] *Монтазеран А.* Роль ШОС в системе многополярного мира // ШОС. Спецвыпуск № 2. Информационный сборник ФНМБ. Безопасность. — М., 2007, август.
- [3] *Полищук А.И.* О конференции «Надежная база для будущего развития Юго-Западной Азии» / Иран и исламские страны / Отв. ред. Н.М. Мамедова, А. Эбрахими Торкеман. — М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009.

IRAN: PERSPECTIVE SCENARIOS OF REGIONAL INTEGRATION

V.I. Yourtaev

Theory and History of International Relations Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article focuses on the analysis of the main directions of modern foreign policy of the Islamic Republic of Iran in a context of regional priorities. The author investigates probable scenarios and project basis of Iranian foreign policy.

Key words: regionalism, integration scenarios, geo-economic projects, space of civilization complexity, the new third world, diplomacy of dialogue and justice.